

ГИЙОМ
МЮССО

Guillaume Musso

Гийом
МЮССО
Guillaume Musso

спаси меня

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
М 98

Guillaume Musso

SAUVE-MOI

Copyright © XO Éditions, 2005. All rights reserved

Перевод с французского *М. Рожновой*

Художественное оформление *П. Петрова*

Мюссо Г.

М 98 Спаси меня / Гийом Мюссо ; [пер. с фр.
М. Рожновой]. — М. : Эксмо, 2013. — 384 с. — (Ро-
мантика и страсть. Проза Гийома Мюссо).

ISBN 978-5-699-62177-4

В заснеженном Нью-Йорке встречаются двое: Жюльет и Сэм. Они были вместе всего несколько дней, но за эти дни прожили целую жизнь и поняли, что созданы друг для друга. Но Жюльет пора возвращаться домой, в Париж. Самолет, на который у нее куплен билет, разбивается. Сэм раздавлен горем — он уверен, что это конец.

Но на самом деле это только начало — начало увлекательнейшей истории, в которой будет все: и романтика, и мистика, и детектив.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)

© Рожнова М., перевод на русский
язык, 2012

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-62177-4

*Когда я думаю о вас,
мое сердце бьется быстрее,
и только это имеет значение.*

-1-

*Сегодня первый день из тех,
что тебе осталось прожить.*

***Надпись на скамейке
в Центральном парке***

Нью-Йоркская бухта. Раннее январское утро.

С огромной высоты, оттуда, где облака мчатся на север, видны остров Эллис-Айленд и статуя Свободы. Очень холодно. Город парализован снежной бурей.

Вдруг в толщу облаков ныряет птица с серебристым оперением. Она пикирует к изломанной линии горизонта. Идет снег, но птица словно не замечает его. Неведомая сила влечет ее на север Манхэттена. С пронзительным криком она стремительно пролетает над Гринвич-Виллидж, Таймс-сквер, Верхним Уэст-Сайдом и садится на ворота, ведущие в Морнинг-Сайд-парк.

Мы на другом конце парка, рядом с Колумбийским университетом. Меньше чем через минуту в окне на последнем этаже небольшого дома вспых-

нет свет. Молодой француженке Жюльет Бомон оstateтся спать всего три секунды.

6.59.57

.58

.59

7.00.00

На тумбочке включился радиобудильник. Жюльет высунула из-под одеяла руку и стала шарить вокруг. Будильник упал на пол, ужасный звон прекратился.

Протирая глаза, Жюльет вылезла из кровати, сделала несколько шагов и тут же запуталась в коврике. Проехавшись по скользкому паркету, она вскрикнула и упала. Вскочила на ноги и схватила очки, которые ненавидела, но была вынуждена носить из-за близорукости. Очки — это все-таки лучше, чем линзы.

Спускаясь по лестнице мимо множества небольших зеркал, купленных на блошином рынке, — молодая женщина, волосы до плеч, веселые, хоть и заспанные глаза, — она задержалась, глядя на свое отражение, поморщилась и попыталась привести в порядок волосы, заправить за ухо выбившиеся золотистые пряди. Футболка с глубоким вырезом и кружевные трусики — это выглядело сексуально и в то же время забавно. Жюльет помедлила, вернулась в комнату за толстым одеялом в шотландскую клетку и грелкой, сохранявшей остатки тепла. Система отопления никогда не была сильной стороной квартиры, которую она уже три года снимала вместе с Коллин.

«Подумать только, мы платим за нее две тысячи долларов!» — вздохнула Жюльет.

Завернувшись в одеяло, она стала, как пингвин, прыгать со ступеньки на ступеньку и, спустившись вниз, толкнула дверь на кухню. Давно поджидавший ее толстый полосатый кот прыгнул к ней на руки и тут же, едва не оцарапав, забрался на шею.

— Жан Камий! Прекрати! — вскрикнула Жюльет и, взяв кота за шкуру, спустила его на пол.

Кот недовольно мяукнул и удалился в свою корзинку. Жюльет поставила кастрюльку с водой на плиту и включила радио.

«...сильная снежная буря, обрушившаяся два дня назад на Вашингтон и Филадельфию, движется на северо-восток страны, задев по пути Нью-Йорк и Бостон.

Сегодня утром Манхэттен проснулся под толстым слоем снега, полностью парализовавшим движение. Город живет в замедленном ритме.

Непогода также нарушила движение воздушного транспорта. Все рейсы из аэропортов имени Джона Кеннеди и Ла Гуардиа отменены или отложены.

Обстановка на дорогах очень напряженная. Власти города советуют как можно меньше передвигаться на машинах. Железнодорожная компания «Атмарк» сообщает, что некоторые поезда отменены. Впервые за последние семь лет зоо-

парк, городские музеи и многие достопримечательности закрыты для посещения.

Снежная буря, начавшаяся в результате столкновения массы влажного воздуха с Мексиканского залива с холодным фронтом, пришедшим из Канады, перемещается в сторону Новой Англии.

Будьте как можно осторожнее!

Вы слушаете «Манхэттен, 101,4».

«Манхэттен, 101,4» — дайте нам десять минут, и мы подарим вам целый мир...»

Слушая новости, Жюльет зябко поеживалась. Скорее! Нужно как-то согреться. Она порылась в кухонном шкафу. Ни чая, ни растворимого кофе. Чувствуя себя немного неловко, она выудила из раковины пакетик чая, который уже заваривала Коллин.

Еще не до конца проснувшись, она уселась на подоконник и стала смотреть на город, укрытый белым одеялом.

Ей было грустно, потому что в конце этой недели она должна покинуть Манхэттен. Это решение далось нелегко, но невозможно и дальше закрывать глаза на очевидное: Жюльет любила Нью-Йорк, но он не отвечал ей взаимностью. Надежды не оправдались, мечты не сбылись.

После лицея Жюльет окончила подготовительные курсы по истории литературы и Сорбонну и все это время играла в студенческих театрах. Она поступила в школу сценического мастерства Франсуа Флорана и была одной из самых много-

обещающих учениц. Постоянно ходила на кастинги, снялась в нескольких рекламных роликах и даже в кино (правда, в массовке), но никаких серьезных предложений так и не получила. Тогда Жюльет снизила уровень запросов. Она работала на презентациях в супермаркетах и офисах разных компаний, участвовала в спектаклях на детских днях рождения, расхаживала в Диснейленде в костюме Винни-Пуха.

Казалось, больше никаких перспектив нет, но Жюльет не сдавалась. Она решила резко изменить свою жизнь и уехала в Соединенные Штаты по программе au pair. В Большое Яблоко¹ она явилась полная надежд и бродвейских фантазий. Не зря же говорят: тот, кто добился успеха в Нью-Йорке, добьется его где угодно!

Первый год Жюльет работала няней, и у нее оставалось достаточно времени, чтобы совершенствовать английский, избавляться от акцента и заниматься в театральной студии. Она посетила множество прослушиваний, но получала только маленькие роли в экспериментальных авангардных театрах, ставивших спектакли в подвалах или залах для молитвенных собраний.

Кем только она не работала — кассиршей на полставки в небольшом магазине, уборщицей в облезлом отеле на Амстердам-авеню, официанткой в кафе.

¹ Одно из названий Нью-Йорка.

Месяц назад она решила вернуться во Францию. Коллин собиралась вот-вот переехать к своему бойфренду, и Жюльет чувствовала, что у нее нет ни смелости, ни желания искать новую соседку. Придется признать, что она потерпела поражение. Сделала ставку в рискованной игре и проиграла. Она долго думала, что умнее других и сумеет избежать ловушек, которые жизнь расставляет молодым. Но теперь Жюльет чувствовала, что совсем сбилась с пути и непонятно, что делать и куда идти. Деньги заканчивались, виза давно просрочена, она теперь иностранка без определенного статуса.

Ее самолет вылетает в Париж в следующий понедельник, если, конечно, погода позволит.

«Ладно, дорогая. Хватит себя жалеть».

Жюльет заставила себя слезть с подоконника и отправиться в ванную. Она сбросила одеяло и запрыгнула в душевую кабину.

— А-а-а-а!!! — завопила она, когда на нее обрушился ледяной поток. Коллин принимала душ первой и не оставила ни капли горячей воды.

«Не очень-то хорошо с ее стороны!» — подумала Жюльет.

Мыться холодной водой было настоящей пыткой, но Жюльет не умела подолгу злиться. Она быстро нашла оправдание подруге. Коллин блестяще заканчивала учебу, собиралась стать адвокатом, и в этот день у нее было назначено совеща-

дование в одном из самых престижных адвокатских бюро Нью-Йорка.

Жюльет не страдала нарциссизмом, но сегодня задержалась перед зеркалом. Ее все чаще мучил вопрос: «Я все еще молода или уже нет?»

Ей только что исполнилось двадцать восемь лет. Конечно, она была молода, но двадцать восемь — это не двадцать. Вытирая голову, Жюльет подошла к зеркалу поближе. Рассматривая свое лицо, она заметила крошечные морщинки вокруг глаз.

Мужчине трудно быть актером, но женщине это во сто крат трудней. Женщине не простят даже крошечного несоответствия идеалу, а у мужчины это назовут особым шармом, характерной чертой. Это всегда бесило Жюльет.

Она сделала шаг назад. Ее грудь все еще прекрасна, но, кажется, пару лет назад она была выше.

«Нет, это тебе кажется».

Жюльет никогда не хотела «улучшить» свое тело: накачать губы коллагеном, убрать морщины ботоксом, поднять скулы, сделать ямочку на подбородке, купить новую грудь. Наивно? Что ж, пусть так, но она хотела, чтобы ее принимали такой, какая она есть, — естественной, глубоко чувствующей, мечтательной.

Главная проблема заключалась в том, что она потеряла веру в себя. Распрощалась с надеждой стать актрисой и встретить большую любовь. Три года назад ей казалось, что все еще возможно.

Она могла бы стать новой Джулией Робертс или Жюльет Бинош, но постепенно перестала чувствовать что-либо, кроме усталости. Все деньги уходили на оплату жилья. Уже сто лет она не покупала новой одежды и ела только замороженные равиоли в картонных коробках или лапшу быстрого приготовления.

Она не стала ни Джулией Робертс, ни Жюльет Бинош. За пять долларов в час она подавала капучино в кафе, а поскольку этого не хватало на оплату квартиры, то пришлось найти еще одну работу на выходные.

Стоя перед зеркалом, Жюльет спрашивала себя: «Могу ли я еще понравиться мужчине? Могу ли вызвать желание?»

И отвечала: «Конечно. Но сколько еще у меня времени?»

Глядя прямо в глаза отражению, она произнесла вслух, словно сама себя предупреждала:

— Наступит день, и очень скоро, когда ни один мужчина не обернется тебе вслед.

«А теперь поторапливайся! Пора одеваться, если не хочешь опоздать».

Жюльет натянула колготки, две пары носков, надела черные джинсы, полосатую рубашку, свитер крупной вязки, а поверх шерстяное пальто.

Бросив взгляд на часы, она заметалась по комнате. Нужно спешить: у хозяина кафе тяжелый характер, и он не простит опоздания даже в последний рабочий день.

Жюльет скатилась по ступенькам в прихожую, схватила шапку и пестрый шарф и захлопнула за собой дверь, постаравшись не отрубить голову ко-ту, который высунулся наружу, принюхиваясь к выпавшему за ночь снегу.

Ледяной воздух был настолько плотным, что казалось, его можно потрогать. Жюльет никогда не видела Нью-Йорк таким тихим и спокойным. Всего за несколько часов Манхэттен превратился в огромный горнолыжный курорт. В город-призрак с заснеженными улицами, по которым почти невозможно пройти. На тротуарах и перекрестках намело большие сугробы. По улицам, обычно шумным и забитым машинами, осторожно пробирались джипы, редкие желтые такси и несколько человек на лыжах.

Жюльет почувствовала запах настоящей зимы, который помнила с детства, запрокинула голову и поймала губами снежинку. Чуть не упав, она взмахнула руками, чтобы удержаться на ногах. К счастью, метро совсем рядом. Нужно быть внимательней, тогда не поскользнешь...

Поздно. В следующую секунду она растянулась во весь рост, упав лицом прямо в сугроб. Двое студентов, проходившие мимо, и не подумали помочь ей. Более того, они нагло расхохотались. Жюльет стало так себя жалко, что слезы вернулись на глаза.

День начинался из рук вон плохо.